

раз идеального князя, «истинною и кротостию, а не яростию» управляющего, противопоставленный неистовым боярам, когорые, «аки пси лающие», прогоняют Петра и Февронию,⁵⁸ был особенно близким и понятным всем сторонникам укрепления единовластия.⁵⁹ Тем более не могло не быть злободневным появление этого образа в стенописи кремлевского храма в середине 60-х годов XVI в. Как должны были слиться воедино в сознании современников события конца 1564—начала 1565 г. (инсценированный уход Ивана Грозного от дел своего царства) и слова Повести, рассказывающие об уходе Петра и Февронии из града и мольбе людей об их возвращении: «Приидоша же вельможа от града Мурома, ркуще: „Господи княже, от всех вельмож и ото всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но възвратиши на свое отечествие“!»⁶⁰

Итак, рассмотренные здесь некоторые особенности живописной схемы Архангельского собора (подбор княжеских портретов, новых русских чудотворцев, сербских святых, включение отдельных сюжетных композиций) достаточно убедительно раскрывают стремление авторов схемы поставить монументальную живопись на службу государственным идеям, подчинить отдельные части росписей одной мысли — идее укрепления единовластия. Отсюда и переключка живописи собора прежде всего с теми литературными памятниками, которые создавались в XVI в. для идеологического обоснования московского самодержавия. Это были произведения, вышедшие из круга митрополита Макария (включая и «Степенную книгу», исполненную его последователем митрополитом Афанасием). В ходе изучения архангельских росписей все больше обнаруживается влияние самого Грозного на их сюжетное построение. И в общем идейном замысле, и в частностях схемы — всюду слышен отзвук на его страстное живое слово. При исполнении росписей одного из главных царских храмов был использован богатый арсенал средств (старые и новые литературные источники), для того чтобы наполнить традиционную живописную схему новым идейным содержанием.

⁵⁸ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии (тексты). — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 238, 243.

⁵⁹ Об этом см.: А. И. Клибанов. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли — ИЗ, т. 65, М., 1959, стр. 307—308.

⁶⁰ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии, стр. 241—242.